

ВИКТОР ГОЛЯВКИН

После зимы будет лето

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»
МОСКВА 1987

У НИКИ НОВЫЕ ЛЫЖИ

Лыжи — очень хорошая вещь! На лыжах можно с трамплина прыгать. Можно бегать наперегонки... Замечательная вещь — лыжи!

На дворе зима. Прелесть. Снежок летает. На лыжах девочки с гор съезжают. И Ника с лыжами ходит. Он их на плече носит. Ходит и носит.

Походил, походил, постоял, посмотрел.

И снова ходит.

Потом посидел на лавочке.

И опять стал ходить. И лыжи с плеча не спускает. На лыжах кататься можно. С гор съезжать. Не у каждого есть свои лыжи.

Вот он с ними и ходит. Ходил, ходил, трудно лыжи носить. Переложил их на другое плечо.

И снова ходит.

Ходит и думает: «На меня все смотрят. Все видят: я настоящий лыжник. У меня совсем новые лыжи. Красивые. На них можно с гор кататься. Можно бегать наперегонки. Замечательная вещь — лыжи».

И продолжает ходить.

Ходит себе и ходит. По сторонам посматривает. Носит лыжи на плече. И думает. Он думает, как хорошо иметь лыжи. И прочее.

А на дворе уже солнце садится. Все кончают кататься. Все кладут лыжи на плечи. И идут домой. Наконец-то!

У Ники лыжи давно на плечах.

Идёт Ника домой со всеми. Несёт на плече свои лыжи. И думает: «Лыжи — хорошая вещь. На них можно с гор кататься. Можно бегать наперегонки. И прочее».

ПОСЛЕ ЗИМЫ БУДЕТ ЛЕТО

Ника учился плавать давно. Ещё зимой. Он быстро ходил по комнате и разводил перед носом руками. Вот так: раз-два. И получалось совсем неплохо — стиль брасс. При этом он фыркал, будто в воде, — ну, как настоящий пловец! Он не раз видел, как плавают, даже видел, как чемпион плавал. Чемпион точно так же фыркал и разводил точно так же руками. Чемпион, правда, плыл в бассейне, а Ника ходил по комнате, — но надо же научиться когда-то? Не сразу же начинать!.. Постепенно надо...

Бабушка, видя, как Ника старается, говорила:
— Вот так. Во-во!.. Хорошо! А ну, ещё!
И Ника всю старался. Ходил и фыркал.

Но вот и лето пришло. Поехал Ника в деревню. В деревне пруд. Большущий такой, пребольшущий.

Пошёл Ника к пруду. Замечательный пруд. Стоит Ника, смотрит. А в воду лезть не решается. Ребята плескаются, плавают, а он стоит и смотрит.

Ему кричат:

— Ты чего стоишь?! Иди сюда! Вода тёплая!

— Я потом,— отвечает Ника.

А про себя думает: «Ещё рано. Нужно ещё подучиться зимой. Потренироваться. Дома как-то спокойней. Спешить-то некуда. Не последнее лето. Будет ведь лето ещё!»

И верно.

Будет зима.

Потом будет лето. Потом снова будет зима. Потом опять лето... Что верно, то верно!

И МЫ ПОМОГАЛИ

Когда снег с крыши сбрасывали, мы всем двором помогали дворнику. На крышу нас, конечно, не пустили.

Тогда мы собрались во дворе, встали цепочкой, взявшись за руки, и никого не пускали туда, где снег падал.

Когда люди шли, не подозревая об опасности, мы хором кричали:

— Сюда нельзя! В обход!

И все шли в обход.

На Ваську небольшой кусок снега сел. Кружился, кружился в воздухе и прямо Ваське на голову опустился. Васька только тряхнул головой, и этот снег на его голове растаял. Он потом всё повторял, что своей головой защитил других. Нескромно, я считаю, такие вещи заявлять. Тоже мне! Как будто это был какой-нибудь громадный кусок льда.

Нас всю дворник гнал, а мы не уходили. Так до
конца и помогали.

А дворник говорит, что мы мешали.

Как же так?!

Не может этого быть!

ВСЕ КУДА-НИБУДЬ ИДУТ

После лета все во дворе собрались.

Петя сказал:

— Я иду в первый класс.

Вова сказал:

— Я во второй класс иду.

Маша сказала:

— Я в третий класс иду.

— А я? — спросил маленький Саша. — Выходит, я никуда не иду? — И заплакал.

Но тут Сашу позвала мама. И он перестал плакать.

— Я к маме иду! — сказал Саша.

И он пошёл к маме.

КОМУ ЧТО УДИВИТЕЛЬНО

Танька ничему не удивляется. Она всегда говорит: «Вот уж не удивительно!» — даже если бывает и удивительно. Я вчера на глазах у всех перепрыгнул через такую лужу!.. Никто не мог перепрыгнуть, а я перепрыгнул! Все удивились, кроме Тани.

— Подумаешь! Ну и что же? Вот уж не удивительно!

Я всё старался её удивить. Но никак не мог удивить. Сколько я ни старался.

Я научился ходить на руках, свистеть с одним пальцем во рту.

Она всё это видела. Но не удивлялась.

Я изо всех сил старался. Что я только не делал! Залезал на деревья, ходил без шапки зимой...

Она всё не удивлялась.

А однажды я просто вышел с книжкой во двор. Сел на лавочку. И стал читать.

Я даже не увидел Таньку. А она говорит:

— Удивительно! Вот не подумала бы! Он читает!

БЕДА

Мы решили цветы посадить во дворе. Посадим во дворе цветы и никому не скажем об этом. Пусть цветы постепенно растут. Когда они вырастут, все удивятся и скажут: «Цветы сами выросли». И людям польза, и нам приятно.

Посадили мы семена. И ждём.

Долго ждали. Вдруг показалось что-то.

— Гляди,— кричит Вовка,— виднеется!

Я не сразу заметил.

— Где, где,— говорю,— где виднеется?

— Вон, вон,— кричит Вовка,— вон!

— Ой, и вправду виднеется!

— Ой, не могу больше ждать! — кричит Вовка.

Прошёл день. Прибегает Вовка весь бледный. Смотрит испуганно. И моргает. Он вообще всегда моргает. Но не так часто.

— Беда,— говорит.

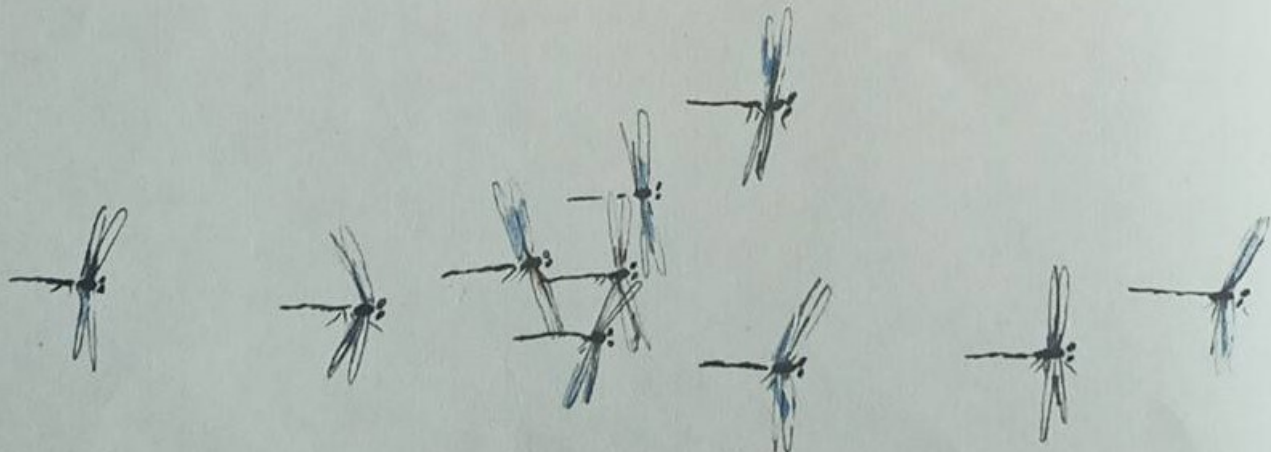
— Где беда?

— Вырос лук.

— Какой лук?

— Зелёный.

Весь день мы печалились, хмурились. Только к вечеру нам стало лучше. Мы слегка успокоились. Всё же это беда не большая. Не самая страшная. Лук так лук. Ну и что же? Лук можно есть. А цветы? Цветы есть нельзя. Это каждый знает. Какая же это беда!

КАК МЫ В ТРУБУ ЛАЗАЛИ

Большущая труба валялась на дворе, и мы на неё с Вовкой сели. Посидели мы на этой трубе, а потом я сказал:

— Давай-ка в трубу полезем. В один конец влезем, а выйдем с другого. Кто быстрее вылезет.

Вовка сказал:

— А вдруг мы там задохнёмся.

— В трубе два окошка,— сказал я,— как в комнате. Ты же в комнате дышишь?

Вовка сказал:

— Какая же это комната, раз это труба! — Он всегда спорит.

Я полез первым, а Вовка считал. Он досчитал до тринадцати, когда я вылез.

— А ну-ка, я! — сказал Вовка.

Он полез в трубу, а я считал. Я досчитал до шестнадцати.

— Ты быстро считаешь, — сказал он, — а ну-ка, ещё!

И он снова полез в трубу.

Я сосчитал до пятнадцати.

— Совсем там не душно, — сказал он, — там очень прохладно.

Потом к нам подошёл Петька.

— А мы, — говорю, — в трубу лазаем! Я на счёте тринадцать вылез, а он на пятнадцати.

— А ну-ка, я! — сказал Петя.

И он тоже полез в трубу.

Он вылез на восемнадцать.

Мы стали смеяться.

Он снова полез.

Вылез он очень потный.

— Ну как? — спросил он.

— Извини, — сказал я, — мы сейчас не считали.

— Что же, значит, я даром полз?

Он обиделся, но полез снова.

Я сосчитал до шестнадцати.

— Ну вот, — сказал он, — постепенно получится!

И он снова полез в трубу.

В этот раз он там долго полз. Чуть не до двадцати. Он разозлился, хотел опять лезть, но я сказал:

— Дай другим ползть! — Оттолкнул его и полез сам.

Я набил себе шишку и долго полз. Мне было очень больно.

Я вылез на счёте тридцать.

— Мы думали, что ты пропал, — сказал Петя.

Потом полез Вовка. Я уже до сорока сосчитал, а он всё не вылезает. Гляжу в трубу — там темно. И другого конца не видно.

Вдруг он вылезает. С того конца, в который влез. Но

вылез он головой вперед. А не ногами. Вот что нас удивило!

— Ух,— говорит Вовка,— чуть не застрял...

— Как это ты повернулся там?

— С трудом,— говорит Вовка,— чуть не застрял...

Мы здорово удивились.

Тут подошёл Мишка.

— Чем вы тут,— говорит,— занимаетесь?

— Да вот,— говорю,— в трубу лазаем. Хочешь полезть?

— Нет,— говорит,— не хочу. Зачем мне туда лезть?

— А мы,— говорю,— туда лазаем.

— Это видно,— он говорит.

— Чего видно?

— Что вы туда лазали.

Глядим мы друг на друга. И вправду видно. Мы все как есть в красной ржавчине. Все как будто заржавели. Просто жуть!

— Ну, я пошёл,— говорит Мишка.

И он пошёл.

А мы больше в трубу не полезли. Хотя мы уже все были ржавые. Нам всё равно уже было. Лезть можно было. Но мы всё равно не полезли.

ЧЕТЫРЕ ЦВЕТА

Первоклассник Алик нарисовал:

сиреневого верблюда,
зелёную лошадку,
синюю утку
и красного зайца.

Папа, увидев рисунок, сказал:

— Разве бывают сиреневые верблюды, зелёные лошадки, синие утки и красные зайцы?

— Не бывают,— сказал печально сын.— Но у меня было только четыре краски... Вот что я сделаю!

И он тут же нарисовал:

красный мак,
зелёный огурец,
синее небо
и сиреневую сирень...

НАДОЕДЛИВЫЙ МИША

Миша выучил наизусть два стихотворения, и не стало от него покоя. Он залезал на табуретки, на диваны, даже на столы и, мотнув головой, начинал сразу читать одно стихотворение за другим.

Один раз он пошёл на ёлку к девочке Маше, не снимая пальто, влез на стул и стал читать одно стихотворение за другим. Маша даже сказала ему: «Миша, ты же не артист!» Но он не слышал. Дочитал всё до конца, слез со стула и был такой довольный, что даже удивительно!

А летом он поехал в деревню. В саду у бабушки был большой пенёк. Миша залезал на пенёк и начинал читать бабушке одно стихотворение за другим.

Как же он надоел бабушке!

Тогда бабушка взяла Мишу в лес. А в лесу была вырубка. И тут Миша увидел столько пней, что у него глаза разбежались.

На какой пень становиться?

Он здорово растерялся!

И вот такого растерянного бабушка его привела обратно.

И с тех пор он не читал стихотворений, если у него не просили.

ВСЕ СМОТРИТЕ НА МОЙ ПЕНАЛ

Гости сели за стол, а я бегал вокруг стола и кричал:

— Смотрите!!! У меня!!! Какой пенал!!! Замечательный!!!

Мне хотелось, чтобы все видели мой новый пенал. Такая куча карандашей вмещается — и хоть бы что!

Папа сказал:

— Прекрати немедленно кричать!

Я прекратил кричать, потянул за рукав одного гостя и тихо сказал:

— Смотрите. Какой у меня пенал. Замечательный.

— Прекрати немедленно дёргать Петра Петровича! — сказала мама.

Я подошёл на цыпочках к другому гостю и сказал ему на ухо:

— Смотрите... какой у меня пенал... замечательный...

Он не расслышал.

— Вы только посмотрите, какой у меня замечательный пенал! — сказал я.

— Где? — спросил он.

Но не успел я ему пенал показать, как папа закричал:

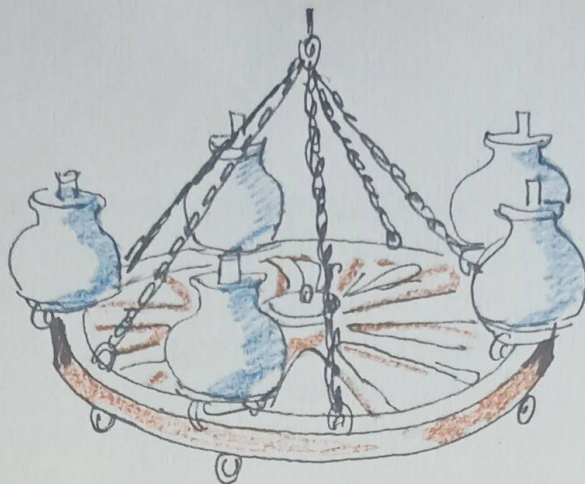
— Прекрати немедленно приставать к человеку!

Я отошёл подальше и на одного гостя пристально смотрю. Как только он меня заметит, я ему издали пенал покажу.

Но он в мою сторону не смотрел.

Тогда я привязал к пеналу верёвочку и стал возить его по комнате туда-сюда. Кто-нибудь спросит, что это за штука, и я сразу пенал покажу.

Но мой пенал особенного шума не производил, и никто не спросил, что я катаю. Только родители меня попросили перед глазами не мелькать.

Я, обиженный, ушёл в свою комнату, чтобы никогда больше к ним не выходить.

Оказывается, так и нужно было поступить с самого начала. Уйти в комнату со своим пеналом.

Но ведь я с самого начала не был на гостей обижен, как же я мог так поступить?

ХОЧУ ЛОШАДЬ

— Эх,— говорит Васька,— была бы у меня лошадь, сел бы я на неё да поскакал бы во весь дух из города до самого поля, и дальше, дальше в лес, помчался бы по лесной дорожке, выскочил бы на полянку — и дальше!

Лечу стрелой, а рядом поезд несётся.

Перегнал бы поезд и дальше скачу, скачу себе, скачу без остановки...

— Ну и до какого же места ты доскакал бы? — спрашивают ребята.

— А ни до какого, до того же самого.

— Как это? — спрашивают ребята.

— А очень просто: земля круглая, так по кругу обратно и вернулся бы.

— Ишь ты,— смеются ребята.— Вот на ракете — вжик! А не на лошади.

— А я хочу на лошади,— говорит Васька.

— Вот чудак,— смеются ребята,— зачем тебе лошадь? Машину бы гоночную! И — вжик!

— А я лошадь хочу,— говорит Васька.

Ребята говорят:

— А ещё мотоцикл неплохо. Стоящая, между прочим, вещь. Сел — вжик!

— А я хочу лошадь,— твердит Васька.

— Самое лучшее — велосипед, — говорят ребята, — крути себе педалями — и вжик!

— Мне лошадь надо, — говорит Васька.

— А самолёт? Ка-ак — вжик!

— Эх, лошадь бы мне, — вздыхает Васька, — я бы за гриву крепко держался, ни за что на свете бы не упал, скакал бы, всё скакал без передышки семь дней и семь ночей и назад возвратился... А вжик я не хочу, потому что мне лошадь охота...

ПОИГРАЛИ

Пообедав, Валерик пришёл к Лёше поиграть в игрушки.

А Лёша как раз обедал.

— Поиграй сам в комнате,— сказала Лёшина мама,— пока он поест.

Валерик пошёл в комнату играть в игрушки, а Лёша ему кричал из кухни:

— Ну как? Хорошо играешь?

— Хорошо,— отвечал Валерик.

— А сейчас?

— Хорошо!

— Очень хорошо?

— Очень хорошо!

— И сейчас хорошо?

— И сейчас.

— А сейчас?

— Хорошо!

— И опять хорошо?

— И опять хорошо,— отвечал Валерик.

Но Лёша не унимался, продолжал спрашивать Валерика во всё горло, хорошо ли он играет, потому что ему ужасно хотелось играть вместе с ним.

Но вот Валерику тоже захотелось играть вместе с Лёшей, и он стал кричать ему из комнаты:

— Пообедал?

— Нет ещё,— отвечал Лёша.

— А сейчас?

— Тоже нет.

— И сейчас не пообедал?

— Пока нет.

— А когда?

— Ой, сейчас!..

Валерик замолчал. А Лёша продолжал:

— Ну, а теперь?

— Теперь хуже,— отвечал Валерик.

— А теперь ещё хуже?

— Ещё.

— Совсем?

— Совсем.

— Ну я сейчас приду!

Лёша очень спешил. Вылил суп на себя. Раздавил помидор на рубашке. И чуть не подавился огурцом.

— А я уже наигрался,— сказал Валерик.

— Ну вот и поиграли,— сказала мама.

ОТДОХНИ, САНЯ!

Мальчик Саня приехал с мамой на дачу, и у него началась новая жизнь.

Он беспрерывно носился с ребятами по пляжу, купался, играл, а к вечеру спрашивал маму:

— Что мне теперь делать?

Это был неутомимый мальчишка, он нисколько не уставал. Мама ему отвечала:

— А теперь ты отдохни.

От маминых слов он сейчас же убегал к ребятам, но ребята все разбредались по домам, и он продолжал играть сам с собой.

С самим собой ему играть быстро надоедало, и он кричал маме в окно:

— А что мне теперь делать?!

Мама брала его за руку, приводила домой и укладывала в постель, но он сейчас же вскакивал и спрашивал со слезами:

— А теперь что мне делать?!

Он долго не мог уснуть, вспоминая прошедший день: замечательный тёплый песок, зелёно-синее море, как он залезал в лодки и катера, представлял, что плывёт в дальние страны, хотя лодки и катера покачивались на привязи и никуда не плыли. Как он катался на велосипеде по лесным тропинкам и даже налетел на дерево, но всё благополучно обошлось. Как он быстро и ловко промчался через рыболовецкий совхоз, куда вход ребятам запрещён. И многое, многое другое.

А утром начиналось всё сначала, и опять к вечеру он спрашивал маму:

— А что мне теперь делать?

И мама ему снова отвечала:

— Отдохни.

Но он не хотел отдыхать. Он сказал:

— Как жаль, что я не могу ходить на руках! Я вымыл бы в заливе ноги и пришёл на руках домой. И мне не пришлось бы дома мыть ноги.

— Тогда пришлось бы мыть руки,— сказала мама.

— Я мог бы вымыть руки, раз мне нечего делать.

После лета он приехал с мамой домой и сейчас же спросил:

— Что мне делать?

— Завтра тебе в первый класс,— сказала мама,— ведь ты хорошо отдохнул.

— Разве я отдыхал?— удивился Саня.

— Сейчас хоть отдохни,— сказала мама.

— Скорей бы в школу!— вздохнул он.— Тогда бы я знал, что мне делать!— И он побежал во двор к ребятам рассказывать, как он отдыхал летом.

Да отдохни ты, Саня!

РИСУНОК

Алёша нарисовал цветными карандашами деревья, цветы, траву, грибы, небо, солнце и даже зайца.

— Чего здесь не хватает? — спросил он папу.

— Всего здесь достаточно, — ответил папа.

— Чего здесь недостаточно? — спросил он брата.

— Всего здесь хватает, — сказал брат.

Тогда Алёша перевернул рисунок и написал на обороте вот такими большими буквами:

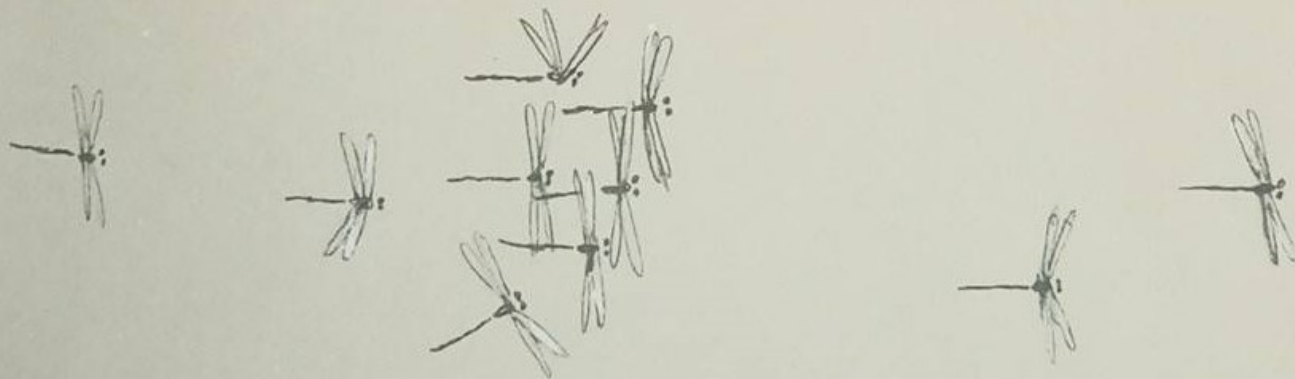
«И ЕЩЁ ПЕЛИ ПТИЦЫ».

— Вот теперь, — сказал он, — там всего хватает!

СОДЕРЖАНИЕ

У Ники новые лыжи	3
После зимы будет лето	4
И мы помогли	6
Все куда-нибудь идут	8
Кому что удивительно	—
Беда	10
Как мы в трубу лазали	12
Четыре цвета	16
Надоедливый Миша	—
Все смотрите на мой пенал	18
Хочу лошадь	20
Поиграли	22
Отдохни, Саня!	24
Рисунок	26

20 коп.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Виктор Владимирович Голявкин

ПОСЛЕ ЗИМЫ БУДЕТ ЛЕТО

Рассказы

Художник В. Гальдяев

Редактор Т. Волкова. Художественный редактор М. Салтыков.

Технический редактор Н. Жигенёва. Корректор Н. Шадрина.

ИБ № 2153

Сдано в набор 19.08.86. Подписано в печать 7.04.87. 60 к/90/8. Офс. № 1. Гарнитура литерат. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,5. Усл. кр.-отт. 15,0. Ул. нел. л. 2,36. Тираж 200 000 экз. Изд. № 8262. Захв. № 1177. Цена 20 коп. Издательство «Малыш», 121352, Москва, Давыдовская ул., 5.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени политеграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР. Росгизполиграффирма Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

4803010192-066 35-87
Г М1021031 81

© Состав. Изд. Издательство «Малыш» 1987